

Гэлиндунь был унижен при всех, причём кем? Этим никчёмным бастардом, которого он ни во что не ставил! Его переполняло такое бешенство, что, казалось, он вот-вот выплюнет кровь.

Он и представить не мог, что у Фэна нет ни капли аристократических манер и воспитания! Даже если того с детства держали в простонародных кварталах, неужели нельзя было нанять учителя этики? Если графу Эделю было настолько плевать на воспитание сына, то зачем вообще отправлять его в Теологическую академию? Неужели... он просто хотел использовать его?

Чёрт! Если бы Фэн не путался под ногами, Гэлиндунь не сомневался, что с его-то лицом он легко добился бы расположения Сэньбаня!

Если бы Юй Бай знал, о чём сейчас думает Гэлиндунь, он бы воскликнул: Да ты просто мастер дедукции!

— Я что-то сделал не так и обидел тебя? — Гэлиндунь выглядел так, будто вот-вот расплчется. Он опустил голову, всем своим видом изображая беспомощность перед лицом резких слов Фэна. — Если это так, прошу, не вини меня. Отец боялся, что я свяжусь с недоброжелательными простолюдинами, и никогда не выпускал меня из дома, поэтому я не совсем понимаю, как нужно общаться с другими.

Система издала звук, выражающий крайнюю степень недоумения: А это... это то, что вы, люди, называете «зелёным чаем»? Слова Гэлиндуня на первый взгляд кажутся безобидными, они даже могут вызвать сочувствие, но если призадуматься — да он же просто притворяется слабаком!

— Вот именно! — Юй Бай закипел от негодования. — Он сам положил глаз на чужого парня, а выставил всё так, будто это я его обижаю!

Система: ???

Постой, логику-то я понимаю, но с каких это пор Сэньбань стал твоим парнем?!

Юй Бай не знал почему, но на душе было крайне паршиво. Безобразно паршиво! Ему нестерпимо хотелось сорвать с Гэлиндуня эту фальшивую маску, чтобы все увидели, что он из себя представляет на самом деле.

Фэн усмехнулся и подцепил подбородок Гэлиндуня, заставляя того поднять голову. Его тёмные глаза впились в лицо собеседника, а затем он указал на Сэньбаня и предупредил:

— Смотри внимательно. Это моё. Если хочешь отобрать — сначала спроси разрешения у владельца, понял?

— Я не... я не имел в виду ничего такого...

Окружающие больше не могли молчать. В их глазах статус Фэна был намного ниже, и когда Гэлиндунь снизошёл до того, чтобы заговорить с ним, тот в ответ лишь насмеялся! Если уж говорить о том, кто кому ровня, то это Фэн не достоин дружбы с Гэлиндуном.

— Я слышан о тебе, бастард графа Эделя, — вмешался худощавый высокий юноша, который до этого беседовал с Гэлиндуном. — Советую тебе извиниться перед Гэлиндуном. Его отец тоже граф. Как ты думаешь, если граф Эдель узнает, что ты сегодня натворил, он накажет тебя или похвалит?

Граф Эдель? Ха, Юй Бай лишь равнодушно скривил губы.

В этот момент в дверях появился мужчина лет сорока и рявкнул:

— Что за шум?

Он был облачен в одеяние епископа, и белоснежная мантия лишь подчёркивала его тучное тело. На короткой толстой шее красовался длинный красный шарф, расшитый узорами и свисающий до самых колен. Если бы не титул епископа, придающий ему хоть каплю святости, Юй Бай решил бы, что этот человек купил свою должность.

— Это Теологическая академия, а не банкетный зал для пьяных гулянок!

Все присутствующие мгновенно поникли, словно растения под градом. Взгляд Цюнсы скользнул по лицам почти сотни молодых дворян, острый, словно он пытался заглянуть им в самую душу.

— Хм? — Сэньбань слегка прищурился.

Хотя никто другой этого не заметил, каждое движение епископа казалось ему замедленным в десять раз. Мужчина стоял на возвышении и осматривал студентов. Его мутный взгляд задержался на лице Гэлиндуна дольше, чем на остальных, а когда он посмотрел на Фэна — Сэньбань отчетливо увидел в глубине его глаз вспышку восторга и злобы.

— Что случилось? — Юй Бай заметил, что Сэньбань внезапно встал перед ним. Подумав, что есть какая-то опасность, он настороженно спрятался за спину мужчины. — Есть угроза?

— Нет.

Сэньбань знал, чего опасается Фэн, и считал, что юноше не обязательно знать об этих мерзких насекомых. В конце концов, если они посмеют хоть пальцем тронуть его, он просто уничтожит их всех. Сэньбань с сожалением подумал, что если бы не опасение напугать Фэна, он бы прямо

сейчас убил этот кусок сала и раздавил его глаза.

Цк.

Заметив, что его обзор перекрыт, Цюнсы с недовольством зыркнул на Сэньбаня.

— Отлично, вижу, вы осознали свои ошибки.

Цюнсы достал Камень Бога.

— Сейчас я буду называть имена. Вы будете выходить по очереди, закрывать глаза, класть руку на Камень Бога и молиться, чтобы Божество услышало вас. Если уровень сродства высок, камень начнёт светиться. Чем ярче свет, тем выше сродство, и тем вероятнее, что Божество дарует вам силу.

Объяснив правила, Цюнсы начал вызывать студентов. Юй Бай заметил, что порядок вызова зависит от знатности, и нахмурился. Он был категорически не согласен с методами академии. Такое разделение легко приведёт к дедовщине! Те, у кого высокий статус и сродство, будут возвышаться над остальными, а те, кто ниже рангом и талантом, окажутся в самом низу...

Тестирование шло быстро, и половина студентов уже закончила. Большинство были посредственностями, и лишь двое показали высокий уровень сродства — одним из них был Гэлиндунь. Пройдя тест, он подмигнул Сэньбаню, полностью игнорируя Юй Бая.

Юй Бай едва не взорвался от ярости, но, видя, что Сэньбань даже не смотрит в сторону Гэлиндуня, сосредоточившись только на нём, сдержался. Однако в нём проснулся азарт! В конце концов, он — любимый человек Сэньбаня, разве его сродство может быть низким? Он дожждётся своей очереди и поразит всех! Ха, посмотрим, сможет ли Гэлиндунь после этого задирать нос!

Система засомневалась, стоит ли обливаться его холодной водой: Но... что, если...

— Никаких «если»! — отрезал Юй Бай. — Не забывай, с нами Сэньбань!

Сэньбань — Божество, это не обсуждается. Сродство в конечном счёте зависит от симпатии Божества. Неужели Сэньбань любит его меньше, чем Гэлиндуня? Юй Бай в это не верил! Но на всякий случай решил намекнуть Сэньбаню о своих амбициях стать лучшим.

Под «многострадальным» взглядом системы, которая явно думала: «Опять он начинает свой спектакль?», юноша дёрнул мужчину за рукав.

— Сэньбань, как думаешь, моё сродство будет высоким?

Хотя Фэн старался сохранять спокойствие, в его тёмных глазах читалась тревога.

— Ха-ха, как странно, что я вообще об этом спрашиваю. — Голос Фэна, обычно звонкий, стал хриплым. Он перестал обращать внимание на Сэньбаня и посмотрел вперёд.

Там юноша приложил ладони к Камню Бога, и тот едва заметно мерцал. Свет был слабым, словно умирающий светлячок. На лице юноши отразилось явное разочарование.

— Всеведущее и всемогущее Божество должно быть невероятно сильным. Для них люди — как муравьи для нас. Кто захочет одалживать силу муравьям? — тихо пробормотал юноша, словно сам с собой.

В глубине души Нил Фэн был полон комплексов. Его бросил отец, предал дворецкий. Даже сейчас Мелвилл, который его «защищает», был приставлен отцом. А Сэньбань... Фэн знал, что этот мужчина невероятно силен и может уйти в любой момент. Мир будто раскололся: все вокруг смеялись, и только он стоял среди осколков, одинокий и покинутый. У него был лишь статус, но не было силы, чтобы стоять с остальными на равных.

По-настоящему сильный человек не нуждается в том, чтобы самоутвердиться за счёт унижения других.

— ...Если у меня не окажется сродства, ты тоже переметнёшься к Гэлиндуню? Как и все остальные? — внезапно спросил он.

Сэньбань стоял позади и не видел выражения лица юноши, не зная, пытается ли тот манипулировать им или действительно осознал свою значимость. Положив широкую ладонь на пушистые чёрные волосы, Сэньбань наклонился к самому уху юноши и прошептал:

— Господин — самый высокородный человек из всех, кого я видел. Даже Божество не сможет удержаться от того, чтобы не одарить вас своей любовью. Вы не муравей, вы — роза.

Роза, расцветшая в сердце самого Божества.

Уши Юй Бая покраснели. Он постарался сохранить невозмутимое выражение, но в его тёмных глазах промелькнуло смущение. Клянусь, всего на секунду! Он здесь ради выполнения задания, если он по-глупости отдаст своё сердце, то как потом забрать тот миллиард? Жалкий наёмный работник не позволит такому случиться!

Получив заверения Сэньбаня, Юй Бай успокоился. Он даже горел желанием выхватить Камень Бога из рук Цюнсы и ослепить всех светом, ярким, как лампочка, чтобы раз и навсегда стереть ухмылку с лица Гэлиндуня!

Прошло ещё несколько человек, и наконец Цюнсы вызвал его.

— Нил Фэн.

Черноволосый юноша поднял голову, являя миру своё ослепительное лицо. Он встал и направился к епископу под его ошарашенным взглядом. Мягкие чёрные пряди волос покачивались при ходьбе, а контраст нежной белой кожи и тёмных зрачков был настолько силён, что у окружающих перехватило дыхание.

У Цюнсы когда-то была картина из восточных стран. Он помнил, как при первом просмотре изображения красавца, нарисованного в чёрно-белых тонах, его сердце забилося точно так же, как сейчас!

— Епископ Цюнсы? — Юй Бай уже подошёл, но Цюнсы всё ещё смотрел на него так, будто пытался разгадать великую тайну. Юноша был вынужден напомнить о себе.

Что с этим типом не так? Юй Бай был в недоумении, но ничто не могло помешать его триумфу!

— Хм? — отозвался епископ.

— Тестирование, — Юй Бай указал на камень в руках Цюнсы.

Тот наконец опомнился, извиняюще улыбнулся и передал камень. Он был размером с два кулака, гладкий, на ощупь напоминал стекло, но был полупрозрачным, молочно-белым, а внутри клубился туман. Если присмотреться, можно было заметить, что туман движется, словно ручей!

Юй Бай взял камень, закрыл глаза и приготовился молиться. В голове проносились имена Нефритового Императора, Будды и даже Сунь Укуна...

Чёрт! Он же Зверь лжи, он вообще ничего не знает о западных богах!

Прошла минута. Камень молчал.

В глазах окружающих заплясали огоньки злорадства. Гэлиндунь даже прошептал соседям:

— Я думал, у Фэна сродство будет выше моего, а оказалось, что у него его вообще нет... Похоже, Божество его совсем не жалуется.

У художавого юноши сродство было низким, и, видя, что у Фэна его нет совсем, он почувствовал облегчение.

— Ты переоценил его. Кроме лица, в нём нет ни единого достоинства. Божество всеведуще, оно сразу видит его суть.

Слыша шёпот, Юй Бай понял: всё летит к чертям! Цюнсы же сказал, что нужно молиться, чтобы Божество услышало. А что, если... Сэньбань его не слышит?

Как раз когда он собрался сдаться и признать себя никчёмным слабаком, по залу пронеслись вздохи изумления.

— Собака-хозяин! Ты крут! — в голове радостно заверещала система, словно наступил Новый год. — Смотри, смотри, смотри! Сэньбань ответил тебе! Ты самый крутой в академии, нет, во всей Стране Сэнь!

Юй Бай осознал, что происходит, и медленно приоткрыл глаза. Из камня в его руках вырывался ослепительно белый свет. В этом сиянии одна за другой распускались бесчисленные красные розы, чьи лепестки медленно падали, окутывая черноволосого юношу.

Один лепесток мягко опустился на его чёрные волосы. Почувствовав прикосновение, юноша открыл глаза полностью.

Хрусть.

Что-то треснуло. Похоже, Божеству так понравились эти глаза, похожие на чёрный нефрит, что сила, вложенная в камень, вышла из-под контроля. Камень Бога, который не ломался долгие годы, вмиг разлетелся на куски!

Осколки, похожие на песчинки, зависли перед Фэном, а свет и лепестки красных роз медленно растворялись в воздухе, словно лёд.

Божественное чудо! Это чудо! Неужели Фэн — Избранник Богов?!

Всех охватил шок. Они не хотели верить, что какой-то бастард удостоился такого внимания Божества, которое даже потратило силы на создание нежных роз, чтобы порадовать юношу. Какая немыслимая милость! Но происходящее перед глазами заставляло их принять этот факт.

— ...Это... это... — Цюнсы не обращал внимания на разбитый камень. С безумным выражением лица он шагнул вперёд, пытаясь схватить юношу за руки. Когда свершилось чудо, он стоял слишком близко, и всё увиденное отразилось в его зрачках, лишая самообладания.

Но ледяной взгляд, брошенный в его сторону, заставил Цюнсы отдернуть руки — сработал инстинкт самосохранения.

— Ты... тебя зовут Нил, верно? — на уродливом лице епископа появилась заискивающая улыбка. Лицо его покраснело, глаза налились кровью, казалось, его вот-вот хватит удар.

Вау! Подумаешь, разбил камень? Юй Бай, видя такое возбуждение, отступил на пару шагов, опасаясь, что епископ откинет копыта прямо здесь, а ему потом отвечать за убийство. Камень? Это в академии плохо следили за качеством, при чём тут он, невинный и беспомощный студент?

— Да, меня зовут Нил Фэн. У епископа есть ещё вопросы? Если нет, я пойду.

Видя, как тот хмурится и выказывает нетерпение, Цюнсы подобострастно произнёс:

— Я прикажу принести вам стул, вы можете отдохнуть.

Юй Бай решил, что отношение изменилось из-за его высокого сродства. Он кивнул:

— Как раз я устал, поторапливайтесь.

Спускаясь, черноволосый юноша вдруг что-то вспомнил. Он поднял голову и бросил на Гэлиндуня презрительный взгляд, который явно гласил: «Мусор!»

Цюнсы достал новый камень, и тестирование продолжилось. Божественный служитель принёс стул, и Юй Бай под пристальными взглядами всех присутствующих спокойно сел. Его ноющие ноги наконец-то получили передышку.

На душе было приятно. Хотя он и разбил камень, и неизвестно, придётся ли платить за него, это не портило его отличного настроения. Юноша посмотрел на Сэньбаня. Он и так был невысоким, а сидя стал совсем маленьким, и, задрав голову, выглядел совсем по-детски.

— Я счастлив.

Сэньбань тоже улыбнулся. Он опустил на корточки, как огромный верный пёс. Его суровые черты лица смягчились, хотя в уголках глаз всё ещё пряталось нечто безумное.

— Главное, что господин счастлив, — ответил Сэньбань.

— Ты должен хорошо меня защищать. Когда я стану Сыном Божьим, я сделаю тебя епископом, — вероятно, из-за хорошего настроения юноша окончательно принял Сэньбаня за «своего». Он придвинулся к уху мужчины и прошептал: — Раз уж этот Цюнсы может быть епископом, то ты, который намного сильнее, точно справишься.

Дыхание юноши обдало ухо мужчины. Теплое и влажное. Взгляд Сэньбаня мгновенно стал звериным, в зелёных глазах закружилась тьма!

Фэн ничего не заметил и продолжал:

— На самом деле, если подумать, у нас нет глубокой вражды. Признаю, я хотел тебя убить, потому что ты унизил меня. Но теперь всё изменилось. Ты видел мой талант, я буду хозяином, которому стоит служить, и буду хорошо к тебе относиться.

Сэньбань слушал сладкие речи Фэна и жмурился от удовольствия. Если Фэн захочет кому-то понравиться, даже Божество не устоит перед его медовыми устами. У него есть такой дар — заставлять людей желать быть с ним. Но... он хочет гораздо большего. Намного большего.

— Господин Фэн.

Юноша недовольно отвлёкся, но, вспомнив, что обещал быть добрым, спросил:

— Что такое? — он опёрся локтем о подлокотник, подпёр щеку рукой и жестом пригласил Сэньбаня подойти ближе. — Ты раньше был охотником, многого не понимаешь, я прощаю тебя на этот раз, но запомни: не перебивай меня, когда я говорю. Ну, что ты хотел сказать?

Взгляд Сэньбаня упал на ноги Фэна. Юноша был безупречен во всём, от кожи до костей, от красных губ до ног — всё это хотелось держать в ладонях и вечно любоваться. Мужчина обхватил голень Фэна, обтянутую чулком, и начал аккуратно разминать мышцы.

Фэну это показалось приятным, и он не стал останавливать его, даже протянул вторую ногу, нетерпеливо повторив вопрос:

— Так что ты хотел сказать?

Голос Сэньбаня был хриплым, медленным, словно у человека, изнывающего от жажды:

— Господин, что произошло после того, как вы устроили банкет в Поместье Роз?

Сэньбань почувствовал, как тело юноши внезапно напряглось, и удовлетворённо улыбнулся. Это именно то, чего он хотел. Поймёт ли господин его мысли? Зверь, однажды отведавший деликатес, уже никогда не вернётся к прежней жизни.

«А-а-а-а! Что Сэньбань задумал? Он что, хочет раскрыть себя? По моему сценарию, если он признается, мне придётся доложить епископу о подмене личности, и всё станет ужасно сложно, что делать, что делать?!»

Внешне Фэн выглядел ошеломлённым, но на деле лихорадочно искал выход. Он так не напрягался даже на выпускных экзаменах!

Придя в себя, Фэн с подозрением спросил:

— Почему ты вдруг об этом спрашиваешь?

То событие было его самым глубоким секретом и величайшим позором! Будучи хозяином Поместья Роз, сыном графа, он был обеспечен в собственном доме! В собственной спальне! Неизвестно кем! Услышав вопрос Сэньбани, Фэн даже на секунду подумал, что Сэньбань и есть тот самый мерзавец. Но быстро отбросил эту мысль.

— Тебя ведь не было в поместье в тот вечер? Тебе стоит радоваться, что тебя не было... Забудь, не спрашивай об этом больше, иначе...

Фэн грозно сверкнул глазами и оттолкнул руку Сэньбани, запрещая прикасаться к себе. Но Сэньбань продолжал давить:

— Господин не помнит даже, кто отнёс вас в спальню? Вы не спрашивали дворецкого Гавина?

— В спальню меня отнесли слуги! Заткнись! Думаешь, я сегодня добрый, и решил испытать моё терпение? — Фэн пришёл в ярость.

Сэньбань смотрел на его покорный затылок и молчал. Он не ожидал... что Фэн с самого начала ничего не помнит.

После окончания тестирования, кроме Фэна, высокий уровень сродства показали только семь человек, остальные были обычными людьми. Даже с низким сродством можно было изучать божественные искусства, но успех был редкостью, да и силы, «одолженной» у Божества, было совсем мало.

Цюнсы в этот раз не стал тратить время на пустые разговоры, собрал вещи и ушёл. Юй Бай тоже собирался отдохнуть, у него не было желания общаться с остальными, поэтому он первым вышел из зала.

Черноволосый юноша не знал, что после его ухода Гэлиндунь смотрел ему вслед с такой ненавистью, что его фальшивая маска едва не треснула. Он ненавидел его! И теперь не только из-за Сэньбани, но и из-за зависти!

Он завидовал этому никчёмному сыну любовницы! Почему он удостоился милости Божества, а он — нет?! Только из-за этого лица? Гэлиндунь провёл рукой по своей щеке и почувствовал прилив ярости. У него было всё то же, что и у Фэна, даже больше, так почему?! Почему?!

— ...Почему Фэн просто ушёл? Здесь же ещё столько молодых господ из домов герцогов, — тихо пробормотал Гэлиндунь, ожидая, что его, как обычно, поддержат. Но в зале повисла тишина, и его голос неловко эхом разнёсся по пустому помещению. — Что с вами? Почему молчите? — Гэлиндунь ласково улыбнулся окружающим, хотя пальцы его впились в ладони до крови.

Худощавый юноша посмотрел на него. Его злобный взгляд заставил самого юношу усомниться:

почему раньше он не видел истинного лица Гэлиндуня и так ему верил?

— Фэн — Избранник Богов, у тебя тоже высокое сродство, так что ты не поймёшь нас, обычных людей, — бесстрастно ответил юноша. — Гэлиндунь, если хочешь свести счёты с Фэном, делай это сам. Я не безмозглый, я просто был слеп.

Сказав это, он вышел из зала.

— Это место, где вы будете жить отныне. Ваши слуги, должно быть, уже прибрались, — божественный служитель проводил Сэньбаня и Юй Бая к их комнатам.

Юй Бай не знал, что произошло после его ухода. Глядя на дом перед собой, он довольно бодро зашагал во двор.

Теологическая академия была огромной, а учились в ней сплошь избалованные аристократы. Поэтому учебное заведение, не скупясь, выделяло каждому студенту отдельный дом с участком, в надежде, что это позволит знатым отпрыскам тратить больше сил и времени на изучение Божественного искусства.

У дома, доставшегося Юй Баю, росли цветы самых разных оттенков. Похоже, их посадил кто-то из предыдущих жильцов, но, поскольку неизвестно, как давно тот выпустился, за садом никто не ухаживал. Цветы одичали и теперь выглядели весьма неприглядно. В некоторых местах земля обнажилась, словно у самой земли началось облысение.

— Молодой господин Фэн!

Увидев Юй Бая, Мелвилл поспешил встретить его у входа. Комната внутри была небольшой, но зато чистой и опрятной — судя по всему, это был результат усердия Мелвилла.

— Здесь не так уютно, как в Поместье Роз или особняке графа, прошу прощения за эти неудобства, молодой господин. Помню, вы любите розы, верно? После обеда я схожу на рынок, посмотрю, можно ли купить саженцы. Тогда вы сможете любоваться розами прямо из окна своей комнаты.

О-о-о! Какой же он внимательный! Мелвилл просто божественен!

Юй Бай посмотрел на светло-кареглазого юношу с мягкой улыбкой и чуть было не изменил своим предпочтениям. По правде говоря, кто не любит таких заботливых парней? А Сэньбань, этот старый развратник, только и знает, что создавать проблемы! Ему стоит хорошенько подумать над своим поведением.

— Ты отлично справляешься, — юноша приподнял подбородок и сдержанно похвалил слугу, в ответ на что Мелвилл просиял еще более лучезарной улыбкой.

В Теологической академии еду готовили специальные повара, Мелвиллу нужно было лишь вовремя ее забирать. В конце концов, готовил он, мягко говоря, отвратительно, и не стоило мучить хрупкий желудок маленького господина его кулинарными «шедеврами».

— Я пойду отдохну, не беспокойте меня, — Юй Бай, почти не почувствовав вкуса еды, решил вздремнуть.

Сегодняшний день его измотал. Говорят, завтра уже начнутся занятия, и Юй Бай считал, что хороший сон — это лучшее начало студенческой жизни.

— Слушаюсь. Завтра утром я разбужу вас в назначенное время.

Юй Бай, уже шагнувший в спальню, замер. В голове пронеслось: разве это не обязанности горничной в поместье? Мелвилл, ты так быстро вживаешься в роль, что через пару дней, небось, и купать меня начнешь...

Вскоре после того, как господин скрылся в комнате, юноша, убиравший посуду, вдруг заметил, как что-то мелькнуло у порога. Его взгляд мгновенно стал острым, он вихрем бросился к двери, сжимая в руке кухонный нож, от которого исходило холодное сияние, но ничего не увидел.

— Показалось? — Мелвилл потер глаза и вернулся к мытью посуды.

Он не заметил, как изумрудно-зеленая лоза тихо притаилась в углу, безмолвно разрастаясь в темноте в ожидании подходящего момента для охоты.

— Где это? Почему я не могу найти!

Ночью в кабинете епископа Цюнсы горела керосиновая лампа. Оранжевый свет выхватывал лишь небольшой пятчок вокруг письменного стола, а четыре угла комнаты по-прежнему тонули во мраке. В контрасте с огнем тьма казалась еще более пугающей, словно стоило сделать шаг за пределы освещенной зоны, как тебя тут же утянет в бездну.

Епископ Цюнсы, все еще в дневном облачении, тяжело дышал. На шее вздулись вены, из-за чего он утратил последние остатки своего епископского достоинства, выглядя уродливо и безумно. Он перерывал бумаги на столе, превращая все в хаос, и бормотал:

— Где же я это положил? Не здесь... И здесь нет...

Он с силой рванул ящик стола на себя. Перьевая ручка и чернильница вылетели и с грохотом упали на пол. Черные чернила брызнули во все стороны, испачкав даже его одежду.

Дыхание Цюнсы стало еще тяжелее. Его взгляд приковало письмо, лежавшее среди бумаг. Он быстро схватил его и развернул. Содержание заставило его невольно рассмеяться!

— Ха-ха-ха! Это действительно он, Нил Фэн, тот самый темноволосый ребенок! Ему тогда было девять, верно? Эти круглые черные глаза, такие невинные... они прекраснее любого другого цвета, мне они так нравились. Именно поэтому я намекнул Эделью отправить его в Теологическую академию. Как оказалось, решение было верным!

На лице мужчины заиграла алчная улыбка:

— Посмотрите-ка! Эдель еще и просил меня хорошенько позаботиться о нем. Как старший, я, конечно, не могу отказать. Маленький Нил, не волнуйся, я обязательно буду очень хорошо о тебе заботиться...

Цюнсы, сжимая письмо, с довольным видом плюхнулся на стул. Его тучное тело заставило крепкий стул из черного дерева жалобно скрипнуть, и этот звук эхом разнесся по тихой, темной комнате.

<http://bllate.org/book/20365/2036854>